

The illustration depicts a young man and woman in a library. The man, with dark hair and a light grey trench coat, is holding a red book and looking down at it. The woman, with long dark wavy hair and a white shirt with a blue skirt, is looking up at him. The background shows bookshelves filled with books, a large window with a sunburst pattern, and decorative purple and pink floral elements at the top. The overall color palette is warm, with reds, pinks, and purples.

КЭТИ ХОЛТ

Настоящая любовь
не нуждается
в редакции

Мой
НЕВЫНОСИМЫЙ
соавтор

18+

Кэти Холт
Мой невыносимый соавтор
Серия «1001 история о любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73788733
Холт, Кэти. Мой невыносимый соавтор: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-244844-7

Аннотация

Настоящая любовь не нуждается в редактуре.

«Каждую секунду с тобой я думал лишь о том, что ты лучше любой мечты, любого текста, что я мог бы написать».

Рози переехала в Нью-Йорк, чтобы стать успешной писательницей, но исполнение ее мечты усложняется. Все из-за одноклассника Эйдена Хантингтона – объекта симпатии в прошлом и главного источника раздражения в настоящем.

Она верит в счастливые финалы, он – в суровую реальность. Их стили несовместимы, но обстоятельства вынуждают стать соавторами одного романа.

Рози и Эйден превращают рукопись в поле битвы, где слова оголяют чувства, а сюжет обнажает тайные желания. Но смогут ли они сохранить созданное, если придется выбирать – карьера или любовь?

Идеальный микс книг «Мой любимый враг» Салли Торн и «Пляжное чтение» Эмили Генри.

«В равной степени искрометный, умный и безупречно трогательный роман». – Тара Девитт, автор бестселлера «Все сложно»

Любимые тропы: «от соперников к возлюбленным» и «он влюбляется первым и сильнее».

Кэти Холт живет в Нью-Йорке, но родом из Теннесси. Она изучала английскую литературу с уклоном на творческое письмо в Нью-Йоркском университете и спорила с каждым профессором, доказывая, что любовные романы достойны их внимания. Она обожает теплое печенье с шоколадной крошкой, фанатеет от Норы Эфрон и является Свифти – поклонницей Тейлор Свифт.

Иллюстрация на обложке от AceDia.

ПЕРВАЯ книга, запускающая новую серию «1001 история о любви». В этой серии вы найдете все, что заставляет сердце биться чаще: от легких и смешных романтических комедий до глубоких и чувственных драм. Каждая книга – это ваш билет в новый мир, где любовь всегда побеждает.

Содержание

Осень	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кэти Холт

Мой невыносимый соавтор

Katie Holt

Not in my Book

© Саар М.Р., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Момо, бабушке и любимому дедушке.

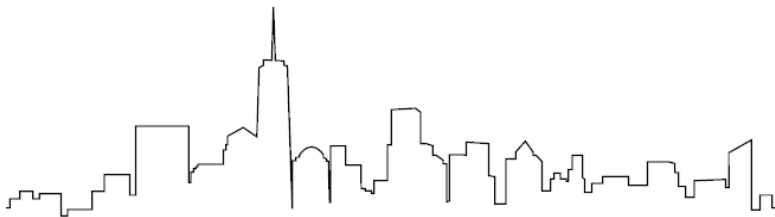
Я писала это, изо всех сил не думая, что говорю.

*Моим родителям, каждый день
демонстрирующим, что любовь, о которой пишут
в книгах, существует и вне книг*

Осень

*Говорят, от любви до ненависти – один шаг.
Нас с Хантером разделяли океаны.
– Отрывок из безымянного романа Розы Максвелл и
Эйдена Хантингтона*

Глава 1

Мама всегда твердила: не можешь сказать что-то хорошее – лучше не говори ничего вообще. Обычный материнский совет, но я восприняла его как закон Божий. Если вкратце – это одна из негласных заповедей Юга. Сами понимаете, южное гостеприимство и все дела.

Я практически уверена, что Эйдена Хантингтона мать учила прямо противоположному. Если не можешь сказать ничего хорошего – кричи во весь голос! И не останавливайся, пока не донесешь до собеседника, что он – ничтожество.

Это объяснило бы, почему Эйден считал своим долгом критиковать меня. На каждом (каждом!) семинаре.

– Над описанием чувств еще работать и работать. – Он начал с этих слов, когда на обсуждении моей новой главы подошла его очередь высказываться. Большинство людей начинали отзывы с парочки любезностей и заканчивали аккуратной и конструктивной критикой. Эйден же не церемонился и не стеснялся в выражениях. Он пролистывал страницы с таким видом, будто мой текст нанес ему личное оскорбление.

– А эти диалоги! Серьезно. Если Розалинда...

– Роза, – перебила я. Он поднял на меня глаза, вглядываясь из-под ресниц, и чуть вскинул бровь. – Сколько можно повторять. Меня зовут Роза.

На другой стороне аудитории Ида, наша наставница, прокашлялась и смерила меня мрачным взглядом. Первое правило мастерской? *Не говорит во время мастерской.* Автор зачитывал свою работу вслух перед собравшимися в классе, каждый из которых заранее готовил заметки по тексту. В процессе обсуждения автор должен был молча принимать все замечания.

Я поникла и неохотно кивнула, давая Эйдену знак продолжать.

Семестр начался всего пару недель назад, но такое быстро стало постоянной частью нашей жизни. Когда обсуждался Эйден, мы все его хвалили и *разбирали*. Не оскорбляли – просто предлагали идеи. Мы всегда были крайне милы и

мягко объясняли ему, что работает, а что нет. Хуже всего, что в большинстве случаев его тексты работали.

Он же отвечал критикой. Резкой, но, к сожалению, полезной. Эйден, увы, имел талант к редактуре, который помогал всем в его окружении расти как писателям. Всем, кроме меня. Мы с ним танцуем этот танец уже второй учебный год – в предыдущем семестре нашей писательской мастерской он делал то же самое. Не воспринимал мои работы всерьез, потому что считал романтический жанр недостойным своего внимания, и не желал помогать мне оттачивать навык.

Он говорил еще пару минут, выдавая все то же, что обычно говорил о моих текстах:

«Я понимаю, что это романтика, но неужели сюжет должен строиться именно вокруг любовной линии?»

«Персонажам что, делать больше нечего, только влюбляться?»

«Что это вообще значит, “потемневший взгляд”?»

Я украдкой глянула через стол на Джесс, единственную другую любовную романистку в нашей мастерской. Та солидарно закатила глаза. Джесс училась на очном, так что у нее было на два предмета больше, чем у меня, и я даже *представить* не могла, как это ее, должно быть, выматывало. Я была на заочном, и мне пришлось на несколько лет отсрочить свою степень магистра изящных искусств, чтобы хотя бы позволить себе учиться в Университете Нью-Йорка.

Изначально мы с Джесс сошлись из-за общей любви к ро-

мантике, а в этом году сплотились еще сильнее в свете неприкрытого презрения Эйдена к нашему любимому жанру. Я жаловалась на него весь прошлый семестр, но когда она лично увидела его ко мне жестокое отношение (забавно, что *ее* такое отношение не затронуло), Джесс стала сочувствовать мне еще больше. Теперь, как только я начинала жаловаться на Эйдена, она отвечала:

– Это все от плохо сдерживаемой сексуальной неудовлетворенности. Наверняка он критикует даже продолжительность стонов своих партнеров в постели.

– И самое главное. – Эйден бросил кипу бумаг на разделявший нас стол с такой гримасой, как будто ни минуты больше на эти бумаги смотреть не мог. – Тут нет жизни. Текст практически лишен эмоций. Казалось бы, романтика должна вызывать хоть какие-то переживания – радость, по крайней мере. Впечатляет, что тебе не удалось этого передать.

Я метнула в Эйдена испепеляющий взгляд, но вспомнила золотое правило и промолчала.

– Розы, можешь ответить на комментарии, если хочешь, – сказала Ида, когда Эйден закончил.

Я пролистала заметки товарищей по мастерской. Первую главу на обсуждение я приносила уже в третий раз и надеялась, что что-нибудь, хоть что-нибудь все-таки приживется. Наш курс представлял собой двухсеместровый интенсив по написанию романа, поэтому нам необходимо было предоста-

вить первую половину этого романа в конце семестра, к промежуточной аттестации, и в конце года иметь на руках готовую книгу. Это был электив, но он шел в зачет требований по курсу и был специально составлен, чтобы помочь тем из нас, кто в качестве диссертации решил сдавать роман.

В самом начале семестра нам давали возможность «испытать» первые главы, на случай если мы сомневаемся в своих сюжетах, и с этим у меня возникли проблемы.

Я росла с мыслью о том, что непременно стану писательницей. Решила, что мне *необходимо* издавать любовные романы, чтобы все безнадежные романтики в мире попадали в обморок от восторга – больше меня ничего не интересовало. Романтика определила мой взгляд на мир, научила верить в лучшее и надеяться. Мне хотелось поделиться этим с другими. Этот курс стал для меня возможностью наконец выбраться из мучительного творческого кризиса и закончить рукопись.

– Я пытаюсь обозначить между ними напряжение. Хочу, чтобы в конце любовная линия прямо выстрелила...

Меня перебило фыркание. Эйден откинулся на стуле и закатил глаза. Когда-то *очень давно* он казался мне симпатичным. Прежде чем я узнала его ближе, сама мысль сидеть напротив него заставила бы сердце биться быстрее. Но после прошлого семестра мастерской мне его видеть было тошно. В семинаре нас было всего девять человек, но места, выбранные нами на самом первом занятии, вроде как стали нашими

постоянными – иначе я пересела бы на другой край стола, как можно дальше от Эйдена.

– Извини, Эйден. Ты что-то хотел сказать? – Я прищурилась и взглянула на него с вызовом.

Его зеленые глаза сверкнули, как обычно перед одной из наших перепалок. Этому садисту нравилось спорить почти так же сильно, как и терзать своих героев депрессивными предысториями и трагическими концовками. Эйден был полной антитезой героя-любownika, что и доказывал каждым своим словом.

– Я сказал все, что хотел, – ответил он, к моему удивлению.

– Нет, что ты. Я *настаиваю*. – Я наклонилась к нему через стол, расплываясь в улыбке. Волосы упали мне на плечи. Раньше я не замечала за собой мазохизма, но от споров с Эйденем никогда не могла удержаться. В отличие от остальных, я его не боялась.

– Хорошо. – Он сел прямо и закатал рукава. Больше невероятного писательского таланта в Эйдене меня раздражало только то, что он был самым красивым мужчиной из всех, что мне доводилось встречать. Его внешность ничем не уступала красавчикам с обложек исторических любовных романов. Волевой подбородок, идеально причесанные волосы, казавшиеся невозможно мягкими. Контур сильных рук под достаточно облегающей рубашкой. Я отвернулась, стараясь убедить себя, что он так же мерзок, как его характер.

– Ты пишешь современную романтику, так ведь?

– Да.

– Тогда о каком напряжении может идти речь? Мы живем в эпоху мгновенного удовлетворения. Вершина саспенса в наши дни – смахнешь ты вправо или влево.

– Не соглашусь, – сказал Тайлер, единственный (помимо меня) голос разума в нашем классе. Хотя мы с ним дружили, он не вставал до конца ни на чью сторону. Семинар делился на две команды: тех, кто за Розы, и тех, кто за Дьявола. Тайлер же уверенно сохранял нейтралитет. Я усмехнулась и взглянула на Эйдена: поддержка Тайлера означала победу в нашем негласном соревновании. – Мне кажется, многие все еще знакомятся случайно, и в таких случаях напряжение точно есть. Моя сестра, например, встретила свою пару в кофейне. Без Tinder или Hinge, просто так звезды сошлись.

На словах «звезды сошлись» Эйден привычно закатил глаза, как делал всегда, когда речь заходила о счастливых концовках, щеночках и радости.

– Для меня это ничего не значит.

– Когда я сяду за книгу для вечно недовольных придурков, которым под тридцать, обязательно спрошу твое мнение, – огрызнулась я, с каждой секундой раздражаясь все больше.

– Отлично. А я обязательно попрошу твоего совета, когда буду работать над книгой для одиноких старушек-кошатниц.

Я ткнула в него пальцем, краснея.

– Я же тебе *говорила*: это устаревший стереотип в отношении читателей романтики! Еще и *сексистский* к тому же.

– А я говорил *тебе*: художественная литература – не для унылых.

– Я и не считаю, что вся художественная литература для унылых! – Товарищи по семинару наблюдали за нашей перебранкой, как за теннисным матчем, поворачивая головы к каждому говорящему. – Только твое *творчество*.

– Тише, тише. – Ида поднялась со своего места во главе стола и сердито на нас посмотрела. Ее вряд ли можно было бы назвать грозной, но после нашего с Эйденом первого спора она показала, насколько страшна в гневе. Когда она злилась, как сейчас, облако ее рыжих кудряшек становилось похожим на пламя.

Мы с Эйденом вернулись на места, как двое насупившихся пятилеток. Я скрестила руки на груди, изо всех сил сдерживая желание показать ему язык. Семестр только начался, но между нами все еще ощущалось прошлогоднее напряжение, и я знала, что остальные в классе тоже это заметили. Что бы я ни сказала, он всегда был не согласен, так что я отвечала тем же. Уверена, о наших баталиях на мастерской в прошлом семестре до сих пор ходили слухи.

– Давайте не будем переходить на личности. Не забывайте: это все-таки безопасное пространство для обсуждения наших работ. – Ида выразительно на нас посмотрела. – Мы должны уважительно относиться к содержанию любого тек-

ста, независимо от жанровых предпочтений.

Она принялась делиться своими мыслями по поводу моей главы, но я так взвинтилась из-за Эйдена, что никак не могла сосредоточиться. Ида закончила говорить, и обсуждение перешло к чьей-то еще работе, а я уставилась на Эйдена, изо всех сил желая ему сгинуть с глаз моих. Он на миг встретился со мной взглядом, скривился в отвращении и вернулся к Иде.

Я сжала руку в кулак, впиваясь ногтями в ладонь, и поклялась, что однажды напишу персонажа по имени Эйден, которого убью самым изощренным и мучительным образом. С другой стороны, настоящему Эйдену скорее всего такое слишком понравилось бы.

– Не забудьте доработать свои фабулы до конца недели, потому что дальше мы плотно сядем за рукописи, – сказала Ида. – Звучит пугающе, знаю, но нам предстоит марафонский забег по завершению ваших романов. Вы знаете мои часы для консультации на случай, если возникнут проблемы. До следующей встречи.

– Розы, пойдешь с нами выпить? – спросила Джесс, пока я собирала все бумаги с полученными сегодня комментариями в свою сумку.

Мы с Тайлером, Логаном и Джесс часто собирались после занятий в находившемся неподалеку баре под названием «Причудливый паб». С Джесс я быстро сдружилась в нашем первом семестре: мы вместе переживали из-за дедлайнов

и неистово творили в многочисленных кафе Гринвич-Виллидж. Тайлер был объектом ее студенческой влюбленности. Мы пересекались с ним несколько раз в библиотеке и в Доме писателя, пока прошлой весной он не вошел в двери нашей мастерской. Джесс в тот момент чуть не свихнулась, и я, как настоящая подруга, однажды пригласила его и Логана выпить с нами. После этого наша группа сложилась сама собой.

– Сегодня не смогу, – извиняющимся тоном сказала я. – У меня дополнительная смена в «Убежище». В следующий раз? – Тут я мельком взглянула на Тайлера через стол и шепнула Джесс: – Сегодня твой шанс.

Джесс закатила глаза:

– Если бы. Я ему не интересна.

– А мне кажется, еще как интересна, – настояла я. – Но если не хочешь сегодня, обещаю, в следующий раз буду у тебя на подхвате.

– Да, пожалуйста, – сказала она и ушла.

Я взглянула на телефон и поморщилась. Если хочу успеть на поезд и не опоздать на работу, до Юнион-сквер придется бежать.

– До встречи завтра на консультации, Ида, – сказала я, выходя из аудитории.

Ида по-доброму улыбнулась.

– Возьми с собой главу и отзывы.

Наши мастерские проходили недалеко от Пятой авеню, в

Доме писателя имени Лиллиан Вернон. С улицы ничто не выдавало в нем здания факультета литературного творчества Университета Нью-Йорка. Это был симпатичный таунхаус с крошечными классными комнатами, и мне безумно нравилось проводить здесь время. После занятий, когда я спешила на поезд сквозь толпы Пятой авеню, я чувствовала себя настоящей обитательницей Нью-Йорка. В городе только-только начиналась осень, и я наслаждалась каждым опавшим листом, шуршавшим у меня под ногами, каждым оттенком коричневого на фоне цементных зданий.

Больше всего в Университете Нью-Йорка мне нравилось то, что весь город был для нас как студенческий городок. Это же, по совместительству, мне совсем не нравилось. Пробираясь приходилось не только через толпы студентов, но еще и деловито спешивших куда-то ньюйоркцев и туристов, на каждом третьем шагу останавливавшихся, чтобы сделать фото.

Я старалась двигаться вместе с потоком. Поначалу мне было трудно привыкнуть к стремительному темпу Нью-Йорка. В Теннесси все шло прогулочным шагом: мы даже не думали о суете и никуда не спешили, неторопливо здоровались чуть ли не с каждым встречным. В Нью-Йорке все было совсем иначе.

Вопреки всей своей южной натуре, я прибавила шагу, чтобы успеть на прибывающий через две минуты поезд 6-го маршрута.

– Куда спешишь, Розалинда?

Голос Эйдена заставил меня подпрыгнуть. Он был почти на фут меня выше, но все равно как-то ухитрился застать меня врасплох.

– В ближайший туалет. Меня тошнит от твоего одеколона, – мило ответила я. Какой-то парень, двигавшийся нам навстречу, протиснулся между нами и толкнул меня в плечо. Практически с ног сбил, но Эйден уверенно подхватил меня и не дал мне упасть.

– К твоему сведению, одеколон итальянский, – сказал он, задирая подбородок. Он успел надеть черный свитер и выглядел теперь по-осеннему уютно. Я поспешила выкинуть эту мысль из головы.

– К твоему сведению, это претенциозно.

Мы наконец добрались до Юнион-сквер и вместе спустились по ступенькам на краю парка. Когда мы оба приложили телефоны к турникетам, я нахмурилась. На этой станции я бывала каждые понедельник и среду после занятий и Эйдена *ни разу* здесь не замечала. Он шел со мной рядом, и я украдкой бросила взгляд в его сторону. Если бы он решил меня убить, то не стал бы это делать на людях. Так ведь?

Он остановился рядом со мной на платформе в ожидании поезда. Я взглянула на него, потом на рельсы и сделала несколько шагов назад. На всякий случай.

Мы стояли молча, окруженные низким гулом проносащихся неподалеку поездов. Наконец я не выдержала и подо-

зрительно к нему обернулась.

– Ты что, меня преследуешь? – спросила я, опустив руки на бедра и изо всех сил стараясь выглядеть устрашающе, хотя чтобы взглянуть ему в глаза, мне пришлось вытянуть шею.

Он насмешливо на меня посмотрел:

– А кто сказал, что это не ты меня преследуешь?

– Тебе разве нужен 6-й маршрут? – недоверчиво спросила я. – Раньше я тебя здесь после занятий не видела.

Он удостоил меня еще одного взгляда.

– Нет.

– Вот видишь? Ты меня преследуешь.

Мимо нас пронесся поезд, и от движения воздуха мои волосы упали мне на лицо. Эйден наклонился ко мне сквозь шум и усмехнулся, глядя мне в глаза:

– Это маршрут L.

– И надо тебе вечно действовать мне на нервы? – протянул я. – Не надоело еще?

Она прищурилась. Разозлилась она еще сильнее, думаю, у нее пар из ушей пошел бы.

Ее руки сжались в кулаки. Будь она повыше, возможно, я бы взволновался. Но это было немножко мило.

– И надо тебе вечно вести себя по-уродски?

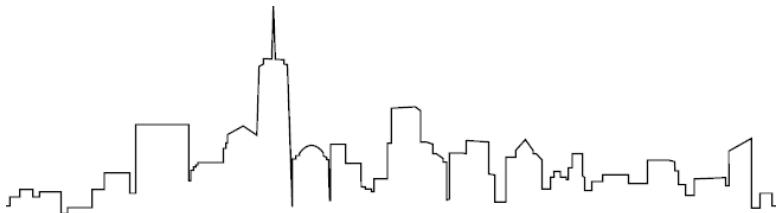
Я сделал вид, будто задумался над вопросом.

– Да. Надо.

– Отрывок из безымянного романа Розы Максвелл и Эйдена

Хантингтона

Глава 2

– Извини, знаю, я опоздала, – заглянула я в офис, когда добралась до работы. – Села не на тот поезд, потом заблудилась, и мне все еще нужно было переодеться...

– Все в порядке, Роза, это какие-то несколько минут. – Люк, мой начальник, на меня даже не взглянул. Только небрежно махнул рукой и сказал: – В баре все равно пусто. Просто начинай свою смену.

В Нью-Йорк я переехала спонтанно. В Роджерсвилле, моем родном городке в Теннесси, жило меньше пяти тысяч человек, поэтому Нью-Йорк стал для меня абсолютно новым *миром*. В этом месяце я отмечала годовщину своего переезда, и этот год прошел куда тяжелее, чем я ожидала. Здесь я не могла положиться на южное гостеприимство и быстро научилась не смотреть на жизнь сквозь розовые очки. Как бы сложно мне ни было, я чувствовала, что наконец подстроилась и нашла свое место в городе.

– Опаздываем, значит, а? – Алекса наклонилась ко мне че-

рез бар, покачивая темно-каштановым каре, обрамлявшим ее улыбающееся лицо.

– Эйден, – ответила я, надевая маленький белый фартук. – Отвлек меня по пути с занятий, и я оказалась на платформе L вместо 6-й.

– ¿Cómo te distrajo?¹ – сказала Алекса, поигрывая бровями.

– Ну тебя, ты же знаешь, что я имела в виду. – Я закатила глаза и обернулась к уставленной различным алкоголем и стаканами стене, чтобы сделать ей «Ширли Темпл», как обычно перед сменой. Алекса была не из романтических. Если я верила в любовь с первого взгляда, то она проповедовала хороший секс. Лучшим сексом в ее понимании был секс по ненависти.

– Если он так хорош, как ты говоришь...

– Я никогда не говорила, что он хорош, – возмутилась я, отправляя коктейль скользить по деревянной барной стойке.

Она легко поймала стакан и поднесла его к губам.

– Еще как говорила. Каждый раз говоришь: краснеешь, когда речь заходит о нем и когда обязательно упоминаешь его зеленые глаза.

– Зеленые, как сопли.

Алекса рассмеялась, запрокидывая голову. Ее темные глаза засияли от радости.

– Однажды ты поймешь, что я права. От любви до нена-

---

¹ Исп. «Как он тебя отвлек?» – Прим. пер. (Здесь и далее.)

висти – один шаг, Роза. Один шаг.

– Ничего не один, – пробормотала я.

Хотя если честно, прошлой осенью я была немного влюблена в Эйдена Хантингтона. Джесс притащила меня на какие-то студенческие чтения, в которых участвовал Тайлер, и Эйден тоже там выступал. Тогда я увидела его впервые, и он, неоспоримо, был красив: широкоплечий, с темными волосами. В зале было тусклое освещение, но я рассмотрела квадратную челюсть и зеленые глаза. Увидела, когда он повернулся ко мне в профиль, что его нос самую чуточку вздернутый. Не сдержалась и сделала его в своем воображении героем любовного романа.

– Добрый вечер. Меня зовут Эйден, я с факультета художественной литературы. Это отрывок из короткого рассказа «Дом».

Всего мгновение, и его слова меня пленили. От негромкого, гулкого звука его голоса, наполнившего зал, у меня по спине бежали электрические мурашки. Он рассказывал о маленьком мальчике, никогда не знавшем дома, о том, как долго он искал этот дом в других людях, пока наконец не сдался.

Возможно, я просто скучала по дому, но у меня на глаза навернулись слезы и я расплакалась. Подалась вперед, ловила каждое слово. Он говорил пять минут, но мне казалось, что прошла всего пара секунд, и я хотела большего. Мне хотелось завидовать тому, как естественно он складывает слова и предложения, но я была восхищена.

А потом, в первый день весеннего семестра в прошлом году, он зашел в аудиторию с холода, и на нем был бушлат². Современные мужчины не ходили в *бушлатах*. Они носили куртки North Face, с логотипами на виду, или худи, заляпанные спереди кетчупом.

Дальше хуже: он снял бушлат и остался в темно-синем свитере, рукава которого закатал до локтя. Он был почти ужасающе привлекателен.

В тот день он сел напротив меня и осторожно ответил на мою улыбку. Я убедила себя, что после занятия непременно приглашу его выпить кофе. Представила в тот миг все в деталях: мы разговорились бы за кофе, я рассказала бы ему, что он приглянулся мне еще на чтениях, он признался бы мне в вечной любви, и я получила бы свое «долго и счастливо». Роман практически сам собой складывался.

Папа говорит, я смотрю на мир даже не через розовые очки, а через очки Розы. Вижу то, что хочу видеть. Взглянула на Эйдена и по уши влюбилась. Сами знаете, что говорят о жизни в розовом цвете – красные флажки не отличить от других.

Мы все по очереди представлялись и рассказывали, что нам нравится писать – от ужасов до комедий. В тот же миг, как я произнесла слово «романтика», Эйден весь переменялся. Нахмурился, потеряв даже намек на тепло. Поморщился,

---

² Бушлат – двубортное полупальто с отложным воротником, изначально являвшаяся частью униформы военно-морского флота.

будто спрашивая, «серьезно?».

Сам Эйден высокомерно сообщил аудитории, что пишет «художественную прозу». Буквально задрал нос, когда это говорил. И знаете, я не поклонница художки, но фыркать на нее, как Эйден на весь жанр романтики, не стала бы.

Дальше все пошло по наклонной. Мы с Эйденем спорили при любой возможности. Он осуждал каждый принесенный мной текст и непременно ерничал: «И там была только одна кровать? Вот это совпадение!» или «Нет, что ты, разумеется он в тайне принц. Естественно». Мне оставалось только мечтать, что однажды я смогу отплатить ему тем же, и побольнее. Я старалась, но в его текстах придраться было почти не к чему, если честно.

Я совершила жутчайшую ошибку и рассказала Алексе о своей крошечной влюбленности в Эйдена, до того как узнала его получше. С тех пор она никак не хотела верить, что я им переболела, хотя это была абсолютная правда.

– Как прошло занятие? – Алекса оперлась на барную стойку в попытке за нее заглянуть. – У тебя есть вишенки?

Я достала из холодильника под стойкой стаканчик вишенки и высыпала их в ее коктейль.

Мы с Алексой были связаны тройне: она приходилась мне и подругой, и коллегой, и соседкой по комнате. У заботливых перуанских матерей были связи по всему миру. Когда я решила переехать в Нью-Йорк, мама впала в режим пани-

ки и принялась обзванивать всех моих tías³, чтобы узнать, нет ли у них на примете кого-то, с кем я могла бы пожить. Оказалось, что у подруги моей тетушки, отправлявшей нам домашнюю пасту ахи амарийо⁴ из Перу, была племянница, которая тоже переезжала в город. Алекса уже нашла тогда квартиру в Ист-Виллидж, и мы быстро сошлись на почве нашего общего непонимания городской жизни. Из соседства выросла странная, неожиданная дружба. Под конец года мы без раздумий продлили аренду.

Конечно, не обошлось без трудностей. Хотя мы легко поладили, Алекса была моей полной противоположностью. Ей нравились тусовки, ночные клубы и спонтанность. Я же предпочитала проводить вечер пятницы, укутавшись в теплое одеяло, и составляла подробные списки дел.

В Теннесси, где ближайший магазин с Inca Kola⁵ находился в двух часах езды от города, было трудно не потерять связь со своими перуанскими корнями. У Алексы в квартире всегда был надежный запас Morochas⁶, и она научила меня готовить несколько традиционных блюд, ломо сальтадо⁷, напри-

---

³ Исп. «тетя».

⁴ Ахи амарийо – паста из желтого перца чили, один из основных ингредиентов перуанской кухни.

⁵ Inca Kola – сладкий безалкогольный газированный напиток из Перу на основе лимонной вербены.

⁶ Morochas – популярное в Перу печенье.

⁷ Ломо сальтадо – традиционное блюдо перуанской кухни, жаркое из говядины.

мер, или пойо ала браса⁸.

Не считая квартиры и ресторана, мы с Алексой почти не виделись. Она училась на очном в Новой школе, изучала моду и дизайн и в ресторане только подрабатывала: ей повезло, и Новая школа предоставляла ей финансовую помощь. Мне от Университета Нью-Йорка такой щедрости не досталось. Об очной учебе даже *думать* было непозволительно дорого. Будние дни после учебы я проводила за барной стойкой в ресторане, а по выходным писала и училась.

– Эйден сегодня особенно злобствовал. Мы слегка поругались на семинаре.

Алекса села за стойку, а я положила руки на темную столешницу.

– В смысле?

– Он разнес мой новый текст – а я им так гордилась! Думала, выйдет хорошее начало для рукописи. Ошиблась, очевидно. Мы с ним сцепились у всех на глазах.

– О-о-о, прелюдия. – Она улыбнулась, подцепила вишенку из коктейля и отправила ее себе в рот. – *Dime más*⁹.

Я почувствовала, как вся краснею.

– Да говорю же, все совсем не так. Он просто чудовище. Но только со мной, потому что я люблю романтику. – Я вздохнула. – Просто Саймон – дубль два.

– Саймон был лицемерным уродом.

---

⁸ Пойо ала браса – традиционное блюдо перуанской кухни, курица на углях.

⁹ *Исп.* «Расскажи мне больше».

От мысли о самовлюбленном бывшем у меня по шее пробежали мурашки. Весь прошлый год я старалась о нем забыть.

– Тогда я не вижу между Саймоном и Эйденом особой разницы.

– Саймон не ценил ни тебя, ни твои интересы. Если бы ты на другом языке заговорила, он и бровью бы не повел.

– Вот бы Эйден говорил на другом языке, – пробормотала я.

В этот момент в ресторан зашла парочка. Алекса похлопала по барной стойке.

– Долг зовет, – сказала она. – Не думай ты о нем.

Она ушла, а я принялась расставлять стаканы и бутылки спиртного.

«Убежище» – один из лучших ресторанов в квартале Флэтайрон. От нашей квартиры до него было далековато, конечно, но зато тут отменно платили и давали на чай. По будням здесь собирались небольшие группы завсегдатаев, а по выходным ресторан погружался в абсолютное безумие. Персонал не мог говорить об этом без содрогания, поэтому я наотрез отказывалась работать по выходным, хотя так за один вечер можно было бы заработать, как за целую неделю.

Платить за жилье и учебу было трудно. По вечерам я ужинала бесплатно, на коробке с бакалеей в кладовке ресторана. От степени магистра изящных искусств меня отделяло на несколько лет больше, чем остальных, и меня это злило. Но

пускай я и не стала светской львицей Нью-Йорка, как мне хотелось, я жила в *Нью-Йорке*. О чем еще можно было мечтать?

С Саймоном, моим бывшим, я познакомилась в девятом классе. Почти сразу же по уши в него влюбилась – сама до сих пор не понимаю почему. Возможно, дело было в том, что он казался опрятным и был чуть меньшим придурком, чем все остальные пятнадцатилетние мальчики. А может, всему виной были его длинные волосы, которые он расчесывал каждое утро.

Встречаться мы начали только в десятом классе. Он был моим лучшим другом, но после того, как я призналась ему в чувствах, все очень быстро изменилось. Лучший-друг-Саймон внезапно исчез и превратился в бойфренда-Саймона. Я была так рада быть с ним, быть частью Саймона-и-Рози, что позволила себе не обращать внимания на все красные флажки.

Он убедил меня поступить в колледж поближе к дому вместо Барнарда, настаивал, что такая любовь, как у нас, бывает только раз в жизни и за нее стоит держаться. Страш-

но злился, когда я заводила речь о Нью-Йорке или о своей мечте стать автором. Ему это казалось смехотворным – я должна была либо выбрать практичную карьеру, например, стать учительницей, или просто сидеть дома и растить наших детей. Но я все равно убеждала себя, что это очень романтично – он же хочет создать со мной семью!

Когда мы выпустились, он стал контролировать меня еще больше. Меня это огорчало, но я думала, что все пары ссорятся. У каждого свои предпочтения, все люди разные, только и всего. Но время шло, и Саймон все тянул с предложением, говорил, что еще не уверен.

А потом я наткнулась на статью Иды Абаро под названием «Почему всем стоит читать любовные романы» и вдруг снова обрела уверенность в своем желании писать романтику. В статье красноречиво излагалось, зачем женщины читают о любви и что таким образом они обретают контроль над своей жизнью, избавляясь от роли объекта желания, но сохраняя при этом желанность. Что романтика как жанр стала безопасным местом для «цветных» людей. Как бы тяжело ни приходилось героям любовных романов, в конце их непременно ожидало «долго и счастливо», которое доказывало, что нет безвыходных ситуаций.

Тем же вечером у меня сложился план: поступить в Университет Нью-Йорка и посетить как можно больше семинаров Иды. С тех пор как я окончила колледж, прошло уже несколько лет, а я все не могла найти свое место в жизни и

работала в закуской в родном городке. Это был шаг в верном направлении, и не знаю, то ли звезды сошлись, то ли мне просто повезло, а может, и то и другое, но вскоре после моего двадцать пятого дня рождения меня зачислили на программу магистра изящных искусств.

Когда я рассказала Саймону, что меня приняли в Университет Нью-Йорка, он рассмеялся. Решил, что я его разыгрываю, а когда я уверила его в обратном, сказал: «Рози, чтобы продавать такие книжки, учиться не надо. Забавай обложку с парнем погорячее – полдела, считай, уже сделано». Все в моей жизни, включая Саймона, относились к романтике как к «виноватому удовольствию»¹⁰. Ради такого высшее образование не получали и уж тем более не переворачивали всю свою жизнь с ног на голову.

Но я все равно уехала. Первым предметом, который я выбрала, была лекция Иды по литературному мастерству.

Некоторое время мы с Саймоном пытались поддерживать отношения на расстоянии. Мне всегда казалось, что это настоящее испытание для любви: если действительно любишь человека – будешь ждать допоздна, несмотря на усталость, не станешь жалеть ни времени, ни усилий. Но каждый раз, когда мы созванивались, Саймон твердил одно и то же: «Рози, когда ты уже забудешь об этой несбыточной мечте и вернешься домой?» Я писала ему сообщения, на которые он не

---

¹⁰ «Виноватое удовольствие» (*англ.* Guilty pleasure) – выражение, которым называют то, что нравится, но в чем будто бы неловко признаться.

отвечал, и убеждала себя, что он просто очень занят.

Никак не думала, что расстоянию под силу нас разлучить, но в конечном итоге я рада, что все так сложилось. Первая осень в Нью-Йорке заставила меня резко столкнуться с реальностью, и мне иногда казалось, что я так и не оправилась до конца от этого столкновения.

Но семинары Иды открыли в моем сердце новое место, быстро заполнившееся новообретенной любовью к творчеству. После одной из лекций она сказала:

– Если у вас есть вопросы, не важно, по теме лекции или нет, приходите на консультацию и мы их обсудим.

Возможно, это был формальный жест. Но я увидела в нем возможность и приходила к ней в офис каждую неделю. Засиживалась часами, практически навязывая ей роль моего ментора.

Я вываливала на нее все свои идеи, и поначалу Ида только качала головой и натужно улыбалась.

– Розы, возможно, тебе стоит проводить это время за творчеством или сходить и поговорить с профессором, который ведет твою мастерскую.

В ответ я только улыбнулась:

– Я посещаю только литературное мастерство. Мне негде больше быть.

Медленно, капля за каплей, я узнавала все больше об Иде. Что она *ненавидит*, когда ее называют «профессор Абаро», потому что от этого она чувствует себя старой. Что она толь-

ко что прошла через пренеприятнейший развод, но отсудила-таки своего пса, Бастера. Что у нее на столе всегда лежала книга Лизы Клейпас («Выйти замуж за Уинтерборна»), которую она читала, когда чувствовала себя особенно усталой. А еще я знала, что ей втайне нравилось быть моей наставницей, хотя она и притворялась, что это не так.

Сегодня, как и всегда, я направлялась в ее офис на кафедре английского языка Университета Нью-Йорка, на Грин-стрит, когда заметила на доске объявлений рядом с ее дверью листовку. Я ахнула, сорвала ее с доски и внимательно прочитала.

Листовка приглашала студентов подать заявку на участие в премии Сэма Фроста, которая покрыла бы *половину* стоимости следующего семестра. Frost был одним из самых уважаемых литературных журналов, наряду с Paris Review. Если бы мне удалось выиграть, я не только смогла бы платить за аренду и очное обучение, но и заявила бы о себе творчески. Я сунула листовку себе в сумку и без стука вошла в кабинет Иды.

Офис у нее был крошечный: рабочий стол и кресло, и стена книг всех цветов и жанров. В целом она любила держать все в порядке, но ее стол все равно оказывался завален бумагами и кружками из-под кофе. Я перешагнула через порог и сразу рухнула на свое обычное место.

– Нам с тобой нужно обсудить эту главу, – сказала Ида, не отрываясь от компьютера. Ее рыжие волосы были собраны в

пучок, а черная оправа очков сползла на кончик носа. Она сосредоточенно что-то печатала.

– Знаю. Не лучшая моя работа.

Я достала заметки с семинара и положила их на край ее стола.

– Позволь спросить, чего ты *пыталась* добиться?

– Ну, сами знаете, – я неопределенно всплеснула руками, – тревожности.

Она смерила меня взглядом:

– Попробуй снова.

– Я все жду, чтобы что-нибудь зацепилось.

– Розы, – мягко сказала она, – на ожидание почти не осталось времени. Ты должна как можно скорее определиться с фабулой, иначе застрянешь с чем-нибудь, к чему не горишь. В конце обучения ты *обязана* будешь сдать диссертацию, и работать над ней лучше начинать заранее. Нет никаких гарантий, что твой руководитель будет так же лоялен к романтике, как я, поэтому твой текст должен быть как можно сильнее.

– Вы правда считаете, что тут не с чем работать?

Она чуть помедлила:

– Не обязательно. Но в тексте не хватает твоего голоса и присутствия, а твои работы этим и хороши. Все, что ты приносила мне со своей прошлой мастерской, прямо оживало, а это кажется... неискренним. Не твоим. – Она заметила, что я немного сдулась, и добавила: – Давай-ка вместе пройдемся

по тексту, посмотрим, что можно оставить и куда двигаться дальше?

Мы сидели в тишине и читали текст, который я отправила ей на электронную почту. Я разбирала заметки однокурсников в надежде отыскать хоть искорку вдохновения. Как только я увидела его безупречный почерк, я прищурилась и крепко сжала лист бумаги.

Здесь описание не работает.

Диалог звучит неестественно.

Каждая пометка заканчивалась точкой. Каким психопатом нужно быть, чтобы делать заметки с точками?! Я смотрела на его слова и медленно закипала от ярости.

– Боже мой. Только посмотрите на это. – Я передала Иде заметки Эйдена. – Все еще считаете, что его не стоит исключать из семинара?

Ида закатила глаза:

– Вы оба друг друга стоите. – Она пробежалась взглядом по его комментариям и вернула мне лист, чуть улыбаясь.

У меня от удивления челюсть отвисла.

– Я, черт возьми, лапочка! Эйден – угроза всему нашему семинару.

– Не ты ли, помнится, на прошлой неделе угрожала сбросить его записную книжку с Эмпайр-стейт-билдинг?

Я отмахнулась:

– Да ладно вам, я же в шутку.

– Да? Как насчет того случая, когда ты сказала, что его

текстам самое место на стенах общественных туалетов?

– О, это? – Я усмехнулась. – Так это *комплимент*! В общественных туалетах иногда такие афоризмы находятся, – мудро изрекла я.

Она рассмеялась.

– Не понимаю, почему вы оба себя так ведете.

– Да ладно вам, не отказывайте себе в удовольствии! Вам же тоже хочется посплетничать об Эйдене. Это наше любимое занятие!

– Это *твое* любимое занятие. – Она с намеком на меня посмотрела. – У меня такое ощущение, что ты большей частью приходишь ко мне поговорить об Эйдене. Закончи с заметками по этой главе.

Я вздохнула, но сделала, что мне велели. Насчет Эйдена Ида не ошибалась. Он был отвратительно хорошим автором, отчего игнорировать его слова становилось довольно трудно.

А еще я каждый день лелеяла надежду, что он снова придет на семинар в бушлате, хотя осень только началась и для такой одежды еще было недостаточно холодно.

– Розы, – осторожно сказала Ида. Она всегда так делала, когда старалась указать мне на оплошности, не обидев при этом. (Впервые она использовала этот тон, когда я расплакалась, после того как Эйден окрестил мою главу «Одним большим паршивым штампом».)

– Понимаю, – я оторвалась от заметок, – но я *не знаю*, что делать дальше.

– Я все еще не понимаю, почему ты не хочешь продолжить предыдущую главу. Мне она казалась многообещающей.

– Но вы сказали, она не удалась, – заметила я.

– Я сказала, что она *пока что* неудачная, – поправила меня Ида. – Но мне кажется, ты ее забросила по более веской причине.

Я не выдержала ее пронзительного взгляда и отвернулась. Ида была права. Над тем текстом я не смогла больше работать, потому что чувствовала себя фальшивкой. Я писала о какой-то эпической, всеобъемлющей любви, но на каком жизненном опыте все это строилось? На *Саймоне*? Я и близко не подошла к своему «долго и счастливо». Разве я могла написать его для своих персонажей?

– Я хочу написать что-то новое, – сказала я, уклоняясь от ее беззвучного вопроса. – Хочу бросить сама себе вызов.

– Хорошо. – Ида достала из ящика стола записную книжку и взялась за карандаш. – Давай все обдумаем.

За это я особенно любила Иду. Она никогда не высмеивала мои творческие цели. Следующий час мы провели за обсуждением различных ромкомовских идей и тропов, которые можно было бы обыграть, и я ни на миг не чувствовала себя той дурочкой, которую из меня строил Эйден.

Кабинет Иды я покинула с новым чувством решимости. Я была готова написать романтическую историю, смешную, пикантную и очаровательную, а Эйден пусть подавится своим снобизмом.

Я проделала слишком долгий путь, чтобы какой-то претенциозный козел в бушлате (как бы шикарен не был этот бушлат) говорил мне, что я недостаточно хороша. И что с того, что ему хватило пары слов, чтобы меня уничтожить? Я писательница. Я тоже так могу.

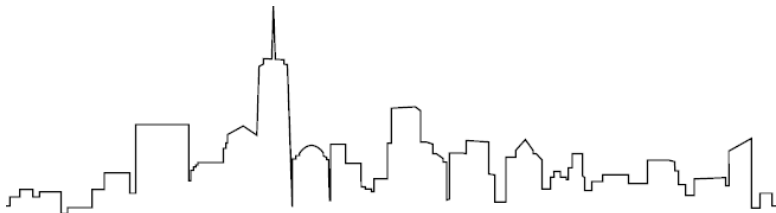
– И вам еще не надоело друг с другом ссориться?

Мы с Макс переглянулись. Чепуха какая!

– Это мое любимое занятие.

– Отрывок из безымянного романа Розы Максвелл и Эйдена Хантингтона

Глава 3

Я поклялась, что отомщу Эйдену на его следующем обсуждении. Удача была на моей стороне: глава у него вышла хуже некуда. Он тоже не мог определиться, о чем хочет писать. Мне стало намного легче от мысли, что не я одна пока что в поиске. Эйден попытался написать главу в стиле Фолкнера, с потоком сознания, но вышла полная бессмыслица. Во время обсуждения все сидели нахмурившись, а я улыбалась.

Товарищи по мастерской один за другим делились сообщениями по тексту, и я терпеливо ждала своей очереди. Эйден посмотрел на меня своими зелеными глазами. От нахлынувшей вдруг неловкости у меня засосало под ложечкой, но я не обратила на это внимания. Я ни за что на свете не отступилась бы.

– Даже не знаю, – тяжело вздохнула я и бережно сложила перед собой страницы его текста. Мое сердце бешено колотилось, руки тряслись, но я старалась выглядеть непринужденно. На самом деле я человек неконфликтный, но это был

особый случай. Я не могла позволить Эйденоу принижать меня за то, что я жанровый автор, и расхаживать с этим его дурацким чувством превосходства. Поэтому я взглянула на него через ресницы и пожала плечом:

– Вышло немного... *вторично*.

Лицо Эйдена на миг исказилось от шока, но быстро приняло бесстрастное выражение. Я продолжила, сдерживая улыбку.

– Ты, наверное, Фолкнера любишь, да? – неторопливо сказала я и посмотрела на него в ожидании ответа, хотя и так все знала. В прошлом семестре Эйден однажды несколько часов распинался о Фолкнере и его влиянии на обсуждавшийся тогда рассказ. Эйдена немного передернуло, но он сдержанно кивнул. – Я так и думала. Влияние очевидно, да еще и растянуто все так, господи. Похоже, что текст настолько старается быть многозначительным, что выходит... блекло. Читается скорее как фанфик по Фолкнеру. Я ничего не имею против фанфиков, не подумай! Просто от тебя такого не ожидала. – Я приторно улыбнулась ему через стол.

Он взглянул на меня и опустил ручку. Откинулся на стуле и пристально смотрел на мои попытки казаться как можно более надменной.

– И самое главное, тут нет жизни, – сказала я, оборачивая против него его же слова с моего обсуждения несколько недель назад. К черту самоуважение и зрелое поведение. Я жаждала *мести*. – Текст похож не на экспозицию для рома-

на, а скорее на бессвязный пост из блога какого-то парня в 2003 году. На мой взгляд, практически бесполезно. – Я сложила руки поверх бумаг и с широкой улыбкой повернулась к Иде. В аудитории повисла мертвенная тишина. – На этом у меня все.

Эйден пытался испепелить меня взглядом, источая ненависть.

– Хорошо, – осторожно сказала Ида. – Что ты думаешь, Эйден? – Она смотрела на нас с опаской, как будто ожидая, когда не разорвавшийся снаряд наконец рванет. Если честно, я тоже ожидала взрыва. Мне безумно хотелось увидеть, как Эйден теряет наконец хладнокровие, как мои слова проникают в его сознание и ранят, так же как он ранил меня.

Эйден, впрочем, только сел прямо и откашлялся. Взглянул на каждого из однокурсников и вежливо ответил на их замечания. Я ожидала услышать дрожь в его голосе, я хотела увидеть *слезы*.

Моя речь его, видимо, настолько не тронула, что он выглядел почти скучающе. Во мне вспыхнуло раздражение. Каким-то образом Эйдену удавалось делать что угодно с таким видом, будто он выше всех нас. Он отвечал коротко и емко, а мне хотелось его придушить.

Наконец он взглянул на меня, всего на секунду, и повернулся к Иде:

– Я ответил на все отзывы, которые стоили моего внимания. Как я уже говорил, я пишу не для одиноких женщин,

реализующих свои фантазии при помощи растиражированной беллетристики с полок супермаркетов. Я пишу ради глупых смыслов.

– Серьезно? – фыркнула я.

Эйден продолжил, не сбавляя хода:

– Я пишу для читателя, которому важно что-то большее, чем заезженные клише и неправдоподобные мужчины.

– Зато моя книга не станет подстаканником для какого-нибудь сорокалетнего неудачника, который молится на Мэтта Райфа¹¹, – огрызнулась я.

– Нет, твоя книга станет подставкой для вибратора какой-нибудь скучающей кошатницы.

Я хмыкнула:

– Для вибратора твоей *жены*, потому что ты даже под страхом смерти не смог бы удовлетворить женщину!

– Я хотя бы женюсь!

– Я хотя бы...

– *Достаточно*, – резко сказала Ида. Половина группы сидела в шоке, другая половина сдерживала смех. – Не хочу слышать от вас обоих ни слова до конца мастерской.

Она смерила нас взглядом, и от стыда я съежилась на стуле. Что я делаю? Пытаюсь отомстить человеку, чье мнение для меня даже не важно? Я ходила на эти занятия для *се-*

---

¹¹ Мэтт Райф – американский стендап-комик, прославившийся своим остроумным юмором и внешностью, которую фанаты называют «слишком красивой для комика».

бя, а не для мелочного, ребяческого соперничества. И я уж точно не хотела разочаровать Иду по ходу дела. Она еще на первом занятии подчеркнула, насколько важно уважение во время мастерской. Мы с Эйденем с самого начала были на грани проведенной Идой линии, а теперь с грохотом за нее перевалили.

Остаток занятия я просидела опустив голову. Мне было настолько стыдно, что я не могла ни с кем встретиться взглядом. А еще я знала, что как только увижу Эйдена, мною овладеет неукротимое желание задушить его до смерти.

Когда мастерская закончилась, я поспешила к двери в надежде избежать дальнейшей конфронтации с Эйденем. Мы с друзьями собирались посидеть в «Причудливом пабе» после занятия, но меньше всего мне сейчас хотелось заново переживать последние несколько часов.

Мы встретились на углу Пятой и Десятой. Джесс и Logan шли, посмеиваясь, и рассмеялись еще больше, когда увидели меня. Тайлер искоса взглянул на них, но тоже чуть улыбнулся.

– Не смешно, – жалобно сказала я.

– Ага, это просто *уморительно*, – широко улыбнулся Logan. – Господи, как же было весело! Напомни мне всегда записываться на мастерские с тобой и Эйденем.

– Он вел себя по-уродски, я не могла ему это с рук спустить, – сказала я в свою защиту.

– Справедливости ради, ты сама начала, – ответил Logan.

– Эй!

– Да еще как! Я *счастлив*, что сегодня ты начала, потому что обычно зачинщиком выступает Эйден, но сегодня во всем точно виновата ты.

Сгорая от стыда, я посмотрела на Тайлера и Джесс.

– Ида же не возненавидит меня теперь, правда?

– Нет, – завершила меня Джесс, – семестр уже начался, ты не сможешь перейти в другую группу. Может, она снизит тебе оценку за участие, но я думаю, все будет хорошо.

– Пойдем уже в «Причудливый», – тяжело вздохнула я.

Из любви к романтике и Джесс по пути в паб я разговорила с Логаном, чтобы дать Джесс побольше времени наедине с Тайлером. По пути я то и дело слышала, как она хихикает.

За последние несколько месяцев я успела неплохо узнать Логана с Тайлером, и мы хорошо подружились. Тайлер всегда был стоически серьезен. Каждое его слово, не важно, в разговоре или в его текстах, было преисполнено смыслом. Он писал современную прозу, поэтичную и захватывающую с первой строчки. Неудивительно, что он так нравился Джесс.

Логан же, в свою очередь, был его полной противоположностью. Душа нараспашку, он всегда говорил, что думает, без оглядки на мнение окружающих. Логан писал хоррор-комедии, от которых то было страшно до мурашек, то смешно до слез.

«Причудливый паб» свое имя носил заслуженно. Вошедших встречал просторный бар, где можно было постоять и поболтать, но чуть дальше можно было обнаружить столики-кабинки, украшенные бутылочными крышками стены и совсем другую атмосферу. Однажды мы попросили у бармена самый причудливый напиток в меню, и она принесла нам пиво со вкусом малинового чизкейка.

– Первый раунд на мне, – сказал Тайлер. – Всем как обычно?

Мы дружно кивнули, и он направился к бару. Джесс проводила его взглядом.

– Знаешь, – задумчиво сказал Логан, – по-моему, лучшая часть сегодняшнего занятия – когда Эйден сказал «вибратор».

– Боже мой. – Я спрятала лицо, опустив его как можно ниже.

– Нет, послушай, у меня никогда не было вибратора! К ним всегда идет подставка в комплекте? – Он посмотрел на нас с Джесс в ожидании ответа.

Джесс легонько ударила его через столик.

– Да ну тебя. – Она сделала паузу. – Нет. Обычно нет.

Тут вернулся Тайлер с нашими напитками: две «Маргариты» для нас с Джесс и по пиву для них с Логаном.

Логан отпил немного пива.

– Скорее бы вы оба прекратили тупить и потрахались.

Я закашлялась, подавившись коктейлем.

– Что?!

– Ну, некоторая доля эротического напряжения между вами *очевидна*. Вы с Эйденом наверняка лучше ладили бы, если бы переспали. Тогда он бы тебя не так бесил.

От одной только мысли об этом меня чуть не стошнило, и я отчаянно затрясла головой.

– Его трехэтажные метафоры никого на нужный лад не настроят. И вообще, я бешусь не потому, что он мне *нравится*.

– Значит, ты этого не отрицаешь? – Логан изогнул бровь.

– Нет, – покраснела я. – Он меня бесит, потому что свысока смотрит на романтику. Согласись, Джесс?

Джесс солидарно кивнула:

– Он зверствует больше всего, когда приходит наша очередь обсуждаться. Семестр еще начаться толком не успел, а Эйден нашел к чему придраться в каждом тексте Розы.

– Но не в твоих, – нахмурился Тайлер. – С тобой он не так резок, как с Розы, хотя ты тоже пишешь романтику.

– Не хочу больше об этом говорить, – заявила я. – Хочу хорошо провести вечер с друзьями и совсем не думать об Эйдене.

– Ладно, ладно, проехали, – сказал Логан. – Тайлер, что будет дальше в твоей книге? Выкладывай, мне нужны спойлеры!

Разговор перешел к обсуждению наших проектов. Я не могла перевестись из семинара Иды, так что мне оставалось только работать над моим последним сюжетом. Больше ни-

каких тестовых глав и новых романов. На размышления не было времени – мне нужно было *писать*. Особенно теперь, когда Ида на меня сердилась.

Мы допили второй раунд, и Джесс сказала, зевая:

– Я домой. Мне до Бруклина сорок пять минут на поезде.

– Мне тоже пора, – сказала я. Алекса скорее всего еще не закончила смену. Было бы здорово поработать в тишине квартиры.

Домой я шла не спеша, надеясь отыскать вдохновение в эклектике Нижнего Ист-Сайда. Увы, безуспешно. Наконец вернувшись в квартиру, я отправилась прямиком в свою спальню, переделась в домашние штаны и укороченную майку и устроилась на кровати с ноутбуком на коленях. Принялась листать разрозненные идеи сцен и обрывки предложений в заметках на телефоне – вдруг найдется что-нибудь, что можно развить в полноценный текст.

Не нашлось. Я взвыла от досады и решила, что лучше просто поддаться творческому кризису. Потянулась за сумкой, чтобы достать оттуда книжку, но вместо этого выудила смятую листовку с доски у кабинета Иды.

О журнале Frost в литературной тусовке знал каждый, но вот про премию я слышала впервые. Джесс рассказывала, что Тайлер однажды там печатался и благодаря этому попал еще и в *другие* журналы, потому что заявил о себе. Тогда я об этом особенно не задумывалась.

Несколько запросов в Гугле спустя выяснилось, что пре-

мия эта *ой* какая *серьезная*. На основании поданных работ совет профессоров из разных университетов отбирал всего десять магистрантов изящных искусств со всей страны. Победители получали грант на такую сумму, которая в Университете Нью-Йорка покрыла бы половину стоимости *очного* обучения. Эти деньги могли бы изменить мою жизнь.

Я с широко раскрытыми глазами читала список тех немногих выпускников Университета Нью-Йорка, которым удалось стать финалистами этой премии. Большинство из них теперь были публикующимися авторами, а некоторые даже работали в редакции Frost. Архив журнала в интернете тоже был доступен.

Я увлеченно читала одно из недавних изданий, когда мой телефон завибрировал. Мне пришло письмо от Иды. Тут я вся побледнела: в адресной строке была не только я, но и Эйден. Тема гласила: «О сегодняшнем занятии».

Рози и Эйден,

мне бы хотелось обсудить с вами произошедшее сегодня на мастерской. Я думала об этом весь день и считаю, что нам необходимо поговорить. Поскольку завтра у нас нет занятий, я буду ждать вас у себя в офисе на Грин-стрит к полудню. Если это время вам не подходит, сообщите мне как можно скорее, так как я считаю, что этот вопрос не терпит отлагательств.

Я сразу же отправила скриншот письма в наш с друзьями общий чат. Имя беседы менялось каждую неделю. На этой неделе она звалась *«худший кошмар эйдена хантингтона»*.

Логан: тебе кранты

Джесс: все будет хорошо! она наверное просто велит вам помириться

Я закусила губу.

Рози: тайлер? ты что думаешь?

В нашей компании Тайлер был голосом разума. Он наверняка честно сказал бы мне, действительно ли дело так плохо, как мне кажется.

Тайлер: Постарайся об этом не беспокоиться.

Я взвыла. Мне точно крышка.

Пока я шла к Иде, я решила, что попрошу прощения. Мне

двадцать шесть лет. Я способна на великодушие. Зайду к ней в офис, извинюсь от души, может, даже выдавлю из себя «прости» в сторону Эйдена. И потом, Ида же мой ментор. Ничего уж *очень* страшного просто не могло случиться. Ей же важен мой успех как ее ученицы, так ведь?

К офису на Грин-стрит мы с Эйденом подошли одновременно с разных сторон. Едва заметив меня, он закатил глаза, распахнул дверь и шагнул мимо.

– Поверить не могу, что меня вызывают на ковер, как младшеклассника, – пробормотал он, пока мы поднимались в крошечном лифте.

– Ты сам виноват, – сказала я. Лифт звякнул, и мы вместе вышли в коридор перед кабинетом Иды.

– Ты о чем? На занятии *ты* оскорбила *меня*. – Он постучался в дверь, и мы стали ждать, пока Ида ответит.

– Потому что ты разнес мою главу пару недель назад!

У него от удивления прямо челюсть отвисла.

– Это все из-за моих слов *две недели* назад?

– И из-за твоего снобизма к романтике! – прищурилась я, поднимая на него взгляд. Чтобы казаться больше и страшней, мне пришлось встать на цыпочки, но из-за разницы в росте я все равно была где-то на фут ниже его. – Ты считаешь, что значительно лучше меня как автор.

– О, снова началось. – Он закатил глаза, а потом наклонился и встретился со мной взглядом. – Розалинда, объясняю на пальцах: я не считаю себя лучшим автором. Я знаю,

что я лучше.

Тут все мои планы просить прощения дружно вышли в окно. Руки сами собой сжались в кулаки, а в груди разгорелась ярость.

– Ты пожалеешь о каждом написанном *слове*. Да я весь твой род прокляну *до седьмого колена*! Я тебя...

– Хватит! – рявкнула Ида, открывая дверь. – Заходите.

Мы шагнули одновременно и благополучно застряли в проеме. Я пихнула Эйдена локтем в надежде протолкнуть его вперед, но ему в голову пришла та же идея. Я вывернулась и, спотыкаясь, зашла-таки в кабинет.

Поправив блузку, я задрала подбородок и изящно заняла свое привычное место перед столом Иды. Эйден сел рядом, и я демонстративно отодвинула свой стул от него подальше. В офисе Иды я чувствовала себя почти как дома, так много времени я здесь проводила. Эйден зашел на *мою* территорию; на моей стороне было преимущество домашнего стадиона.

Ида сидела, наклонившись вперед, а ее губы были сжаты в тонкую линию. Каким-то образом ей, такой же невысокой, как я, удавалось выглядеть так же внушительно, как Эйдену. Под суровым взглядом ее глаз я начала терять уверенность.

– С первого занятия вы двое вели себя до невозможности грубо, мешали мне вести семинары и превращали мастерскую в цирк имени Розы и Эйдена. Я, конечно, слышала о вас от вашего прошлого профессора, но не думала, что все

настолько запущено. Когда я поняла, что все действительно *настолько* плохо, то понадеялась, что по ходу семестра ситуация исправится, но я сыта вами по горло.

Мы с Эйденом виновато переглянулись. Она была права.

– Вы оба замечательные авторы, но я не могу вечно придумывать вам оправдания.

Я раскрыла было рот, чтобы возразить, но Ида жестом остановила меня.

– Роза, я не собираюсь это с тобой обсуждать. От тебя я ожидала лучшего. Столько разговоров об уважении для авторов романтики – и ты хочешь сказать, что уважительно относишься к другим авторам?

Она была права. Мне стало так стыдно, что я почувствовала себя ничтожеством.

Ида прокашлялась:

– Простите, но вы не оставляете мне другого выхода. Я вынуждена попросить вас обоих покинуть мой семинар и перевестись в другую мастерскую. Знаю, семестр уже начался, но я не могу позволить вам и дальше срывать мне занятия. Вы прекрасно знаете, что моя главная задача – создать безопасное пространство для обсуждения наших текстов. Советую вам связаться с вашими кураторами и узнать, смогут ли они найти для вас места в других семинарах.

Я тревожно выпрямилась на стуле.

– Пожалуйста, я больше не буду! *Мы* больше не будем! Пожалуйста, только не это! – Я не готова была предстать пе-

ред родителями и сообщить им, что провалила курс из-за какой-то дурацкой вражды с Эйденом. Если вылету из семинара, то на другой ни за что не попаду. Да еще и программа годовая, значит, со следующим семестром я тоже в пролете. К тому же уплаченные за курс деньги мне не вернут. Я с трудом наскребла на учебу в Университете Нью-Йорка, я не могла просто бросить эту сумму на ветер.

– Я могу быть милой, смотрите. – Я повернулась к Эйдену. Не знаю, что его больше пугало: отчаянное выражение на моем лице или слова Иды. – Эйден, у тебя очень плавные предложения и прекрасная проза, особенно когда ты используешь метафоры. – Я с широко раскрытыми глазами обернулась к Иде: – Вот видите? Мы можем исправиться!

– Прости, Розы. Я знаю, что тебя это ранит, но я просто не могу позволить вам двоим и дальше вести себя в таком неподобающем ключе. Ваше поведение не соответствует стандартам факультета литературного творчества Университета Нью-Йорка. Либо мы делаем *так*, либо мне придется обратиться к студенческому декану.

Эйден молчал, но я знала, что и он не остался равнодушен. Его руки до побелевших костяшек сжимали подлокотники.

У меня никогда не было профессора лучше Иды. Вылететь из ее семинара означало потерять ее уважение и ее как наставницу, а еще попроситься с кучей денег, которых у меня не было. От одной только мысли об этом мне сделалось плохо.

– Должно же быть хоть что-то, что можно сделать, – взмолилась я. – Клянусь, до конца года мы будем вести себя прилично!

Ида смерила нас обоих пристальным взглядом:

– Возможно, мне есть что вам предложить.

Мое сердце затрепетало.

– Все, что угодно!

– Вот ведь мастер переговоров, – пробормотал Эйден. Я метнула в него предостерегающий взгляд.

– Ни один из вас не уважает творчество другого. Если вы хотите продолжать обучение, вам придется научиться уважать окружающих. Эйден, помнится, ты говорил, что не знаешь, как развить сюжет своего проекта?

Эйден коротко и неохотно кивнул.

– А с тобой, Роза, мы обсуждали, как сложно тебе начать работать.

Я покраснела и кивнула.

– Так вот. Я готова пересмотреть свое решение – *если* до конца курса вы вдвоем напишете роман.

Все звуки стихли.

– Вы оба будете приносить главы на обсуждение, и я ожидаю от вас примерно одинаковый объем текста.

Тишина заполнила каждый дюйм комнаты. Меня обдало жаром и бросило в пот. Меньше, чем провалить курс, мне хотелось только работать вместе с *Эйденом Хантингтоном*.

– Большое спасибо за предоставленный шанс, – осторож-

но сказала я. – Но нет ли какого-нибудь другого варианта? Какого угодно. Если мы с Эйденом в чем-то и солидарны, так это в том, что он не хочет писать романтику, а я не хочу писать художку.

Краем глаза я заметила, как Эйден кивает.

Ида кивнула:

– Вот именно! Скажи мне, Роза, что определяет романтику?

– «Долго и счастливо», – тотчас ответила я. Мне не надо было даже смотреть на Эйдена, я почти чувствовала, как он закатывает глаза.

– Поэтому ваш совместный проект будет сентиментальным – но без счастливого конца. Так Эйден попробует себя в романтическом жанре, а ты постарайся написать эмоциональную, достойную художественной прозы концовку. Вы напишете *историю любви*.

Нет уж, спасибо. Законы романтического жанра были для меня как воздух, и главным из них являлось «Долго и счастливо». Я ни за что на свете не готова была нарушить этот закон. Какой смысл персонажам тогда вообще влюбляться? Лучшее в романтике, не считая горячих сцен, конечно, – это счастливый конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.